

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ жизнь и начинается вымысел? В какой точке кипения вымысла из него поднимается паром сама жизнь? Где граница между жизнью и вымыслом? Эти вопросы — суть бергмановского кино, и нет ничего удивительного в том, что они обрушиваются на вас в фильме «Неверные», который снимает Лив Ульман по сценарию Ингмара Бергмана.

В данном случае речь идет не только о философской стороне дела, но и о чисто житейской. Однако опыт не только не заземляет бытия, но придает ему удивительную жизненность и убедительность. «Его секреты — это его секреты», — говорит Ульман о сложной внутренней жизни 81-летнего мастера. — Для того чтобы воплотить эти секреты в кино, нам необходимо использовать наш собственный опыт, нашу жизнь, наши секреты и наше представление о Бергмане».

ДОЖДЬ И СОЛНЦЕ

Неизвестная газета. — 1980. — 17 марта. — с. 7
 Две стороны одной медали в новом фильме по сценарию Ингмара Бергмана

Ульман не скрывает, что работа над картиной приносит не только радость, но и боль; не только обретения, но и потери. И в жизни, и на экране. Сценарий основан на реальном событии. Более полувека назад Бергман пережил величайшую в своей жизни трагедию любви, которая всегда — по сей день — с ним. Лив Ульман, которая в течение нескольких лет была любовницей Бергмана, говорит, что «знает его лучше, чем кто-либо на земле», и лишь поэтому решилась поставить фильм по его автобиографическому сценарию.

Но разбитый любовный тандем Бергман—Ульман не единственный на съемочной площадке «Неверных». Главные роли в картине играют выдающиеся актеры шведского театра и кино Лена Эндре и Томас Ханзон — звезды Королевского драматического театра в Стокгольме, которым руководит Бергман. В фильме они играют супружескую пару, жизнь которой разбивает измена жены. Два года назад нечто аналогичное произошло и в жизни Эндре и Ханзона — тоже супругов. Они разошлись. Теперь у них другие «любовные партнеры», но ни он, ни она не скрывают, что «боль прошлого» всегда с ними.

Фильм, который выйдет на экраны в этом году, по-бергмановски пессимистичен и по-ульмановски оптимистичен. «Он мрачнее меня, — говорит Ульман о Бергмане. — Там, где он видит дождь, я вижу солнце. И тем не менее я искренне надеюсь, что ему придется по душе мое солнце».

Большая часть действия происходит в студии пожилого кинорежиссера, прототипом которого является Бергман. Кинорежиссер мучительно пишет о своей трагической любви к женщине, давным-давно ушедшей в мир иной. Неожиданно к кинорежиссеру приходит актриса (Лена Эндре). Она как бы перенимает у него эстафету повествования, словно она и есть та самая роковая женщина. По ходу фильма (или по замыслу?) создается двойственное ощущение: зритель не знает, кто эта женщина — плод фантазии старика или реальная актриса, повторившая судьбу его покойной возлюбленной. (Это — чисто бергмановский «дождь» пока что без ульмановского «солнца».)

Затем повествование опрокидывается в прошлое кинорежиссера, и мы знакомимся со всеми участниками назревающей драмы — мужем, женой, любовником (Кристер Хендриксон) — треугольником «Неверных». Причем они изменяют не только друг другу — тогда это была бы просто мелодрама, но и самим себе. И актеры, играя этот фильм, проигрывают и свою собственную жизнь. «В этом как раз и заключается магия сценария Бергмана. Мы имеем в качестве материала конкретный эпизод из жизни Ингмара, но каждый из нас

тоже пережил так или иначе в жизни нечто подобное», — говорит Кристер Хендриксон.

Ингмар Бергман, который сегодня ставит в Королевском драматическом театре «Марию Стюарт», принял «принципиальное решение» не влиять на Ульман. Это знак высшего доверия к своей любимой ученице и актрисе. И просто любимой. Пять лет они прожили неразлучно на небольшом острове близ шведских берегов в домике, принадлежащем Бергману. Мастеру было уже за сорок, Лив только-только переступила двадцатилетний рубеж. У них дочь по имени Линн.

Если можно представить себе второе «я» Ингмара Бергмана, то это Лив Ульман, хотя, как сама она признает, «лишь до определенной точки».

«Сценарий Бергмана — это его личная исповедь, его строки. Но между строк читать приходится нам. Я основывалась на моем знании Ингмара-писателя и режиссера, отца и друга, любовника и врага. Но я основывалась и на моем опыте женщины, которая любила

не имею права говорить за Бергмана, но, как мне кажется, своим сценарием он просит прощения. И я тоже чувствую, что своим фильмом даю людям возможность прощать друг друга. Любой человек достоин прощения, если он искренне просит его... Сценарий фильма — это постаревший Бергман, обращающий взор к тому, что он испытал в прошлом и что ему больше не дано испытать. Тепло его уже не то, не те глаза, не та кожа. Вещь он уже не тот. В глубинах своей души ты жаждешь еще раз испытать ту сердечную муку, жаждешь вновь обладать телом, способным на это. Но этого не произойдет, ибо ты абсолютно одинок».

Эти слова Ульман о фаустовской трагедии мастера напомнили мне историю другого мастера, по-армянски «варпета», как его уважительно величал народ. Более полувека прошло с тех пор, как я впервые встретился с великим поэтом Аветиком Исаакяном, но до сих пор помню каждую деталь этой встречи, помню тембр его голоса. Мы сидели в ереванском до-

Ингмар Бергман, великий режиссер и сценарист.
 Фото ИТАР-ТАСС

и страдала от любви, — говорит Ульман в интервью газете «Нью-Йорк таймс». — Я давно знаю о любовной трагедии Ингмара, которая произошла задолго до того, как мы встретились. Но в его интерпретации и в моей интерпретации — это две разные истории. Он, наверное, хотел увидеть свою трагедию на экране в иной перспективе, ибо Ингмар любопытен, когда идет речь о других людях. Он канибал. Он хочет видеть вещи — и в хорошем, и в плохом смысле — с точки зрения постороннего... Страсти в этом фильме какие-то спешные, бесшабашные, всепоглощающие. С того самого мига, как он влюбляется в нее, это навечно. Он отдает себя ей целиком, кожей, сердцем — всем, отдает больше, чем она отдает себя ему. Ей приходится думать о муже, дочери. А он свободен, как это было всегда с Бергманом. Он был всегда свободен для любви. Когда любовь приходила к нему, она приходила. И все тут».

Ульман говорит, что для нее решающее значение имеет элемент прощения. «Когда ты приносишь боль многим людям, это до добра не доводит. Но люди, которым ты причинил боль, тоже по-своему просят у тебя прощения. В этом суть характера героев фильма. Я

ме поэта, в его просторной библиотеке, заставленной его произведениями, переведенными на все мыслимые и немыслимые языки мира. Двери и окна библиотеки выходили в экзотический сад, похожий на иллюстрации к «Лейле и Меджунну» и залитый иступленным солнцем Армении.

— Какой вы, однако, счастливый, «варпет», окруженный своими книгами, садом с певчими птицами, любовью своего народа! — невольно вырвалось у меня.

Великий старец, ему было тогда почти столько же лет, сколько сейчас Бергману, посмотрел на меня своими пронзительными глазами, которые вдруг наполнились слезами, сделал широкий жест рукой и сказал:

— Бери все это, но отдай мне свою молодость!

Затем Исаакян возложил свою дрожащую руку на мою тогда еще без единого седого волоса голову и на какое-то мгновение запустил в нее свои длинные, нервные пальцы. Я замер от неожиданности.

Очнувшись, «варпет» усмехнулся и пробормотал:

— Но это было бы несправедливостью в отношении твоего будущего и неверностью в отношении моего прошлого.

Миннеаполис, США